

Пролог

Январь 1908 года

Каменная садовая дорожка заледенела. Ледяная корка хрустела под ногами. В теплых ботинках молодая женщина шла по дорожке. Несмотря на гололед, ее шаг ровный. Торчащие во все стороны ветви, будто лук с туго натянутой тетивой, готовы вот-вот сломаться под тяжестью снега.

Тишина. Хочется уйти в этот зимний сад, все глубже, все дальше. Березы, покрытые серебром, застыли. Когда-то гибкие, занесенные снегом, кроваво-красные ветви кизила были сломаны. На ветру трепетали оставшиеся травы.

Печальное зрелище. Садовый бордюр усеян похожими на звездочки белыми цветами чемерицы.

Через месяц из-под талых снегов пробьются первые зеленые головки подснежников, они распустятся, превратившись в изысканные белые цветы. За ними — пурпурные крокусы с ярко-желтыми рыльцами. Больно даже думать об этом, но она не увидит этих вестников весны. Другим придется читать знаки того, что пробуждающийся по весне сад вот-вот утратит свое зимнее, поистине королевское величие.

Она идет в тоске, петляет по извилистой каменной тропе, словно дикий зверь, отчаявшийся вырваться на волю, и останавливается на краю. Смахивает замерзшую слезу. Ей не следует быть тут. Но она не смогла уехать, не увидев еще раз это место — место любви и утраты. Но она не станет задерживаться тут надолго. Нет. Она пробудет тут столько, сколько длится вечное прощание.

— ЗИМА —

ЭММА

Февраль 2021 года.

Даже если бы Эмма и не искала тот самый поворот, проехать мимо Хайбери-Хаус было бы трудно. Сплошная стена живой изгороди прерывалась, за ней высились два кирпичных столба, увенчанные парой каменных львов. Что видели их каменные глаза? Времена, когда из этих ворот выезжали кареты, сопровождаемые гончими. Во что вслушивались они? В шум пышных охотничьих балов и замысловатых домашних вечеринок.

Эмма свернула на гравийную дорожку. Перед встречей со своими новыми клиентами она чувствовала, что ей нужно укрепиться духом. Обычно она не брала заказ, если не было возможности осмотреть объект, оценить фронт предстоящих работ. Но в этот раз она была так загружена реставрационным проектом в долине Глен Маллоу, что не смогла приехать из Шотландии в Англию для осмотра участка. Поэтому вместо нее на юг отправился Чарли — ее лучший друг и руководитель ее дизайн-команды — «Turning Back Thyme». Он приехал туда раньше Эммы и выполнил все замеры. Все это время Сидни Уилкокс, владелица Хайбери-Хаус, была на связи: она организовала серию видео-чатов, чтобы объяснить задумку своего проекта — вернуть некогда потрясающим садам поместья их прежнее величие.

Короткая гравийная дорожка поднималась на пригорок и вела во внутренний двор усадьбы. Тут был выстроен дом П-образной формы. Величественность усадьбы портили груды строительного мусора. Эмма припарковалась позади серо-стального «Рэндж ровере-

ра», выбралась из машины, перекинув через плечо свою тяжелую рабочую сумку-мешок.

В воздухе стоял непрекращающийся рев строительных электроинструментов. Неожиданно раздался громогласный лай. Эмма краем глаза уловила рыжую вспышку: пара ирландских красных сеттеров проскочили через парадную дверь и бросились прямо к ней. Она вскинула руки, защищаясь от одной из собак, но той, все же, удалось встать на задние лапы, положить передние на плечи гостье и облизать ей лицо.

Другой пес танцевал вокруг ее ног, одобрительно гавкая.

Она безуспешно пыталась оттолкнуть сеттеров, когда из дверей выскочила Сидни и побежала через весь двор ей на выручку.

— Бонни, слезь! Клайд, пропусти Эмму!

— Они прекрасны! — Эмма постаралась, чтобы похвала прозвучала искренне. В это время Бонни умудрилась лизнуть ее снова.

— Вы удивитесь, наверное, но мое знакомство с заказчиками частенько начинается подобным образом, особенно в сельской местности — все держат собак.

— Простите бога ради! Мы столько денег и времени потратили на их дрессировку, но в итоге у нас все еще самая непослушная пара собак во всем Йоркшире, — Сидни схватила Бонни за холку и оттащила прочь, Клайд же послушно продолжал сидеть у ног хозяйки.

— Не притворяйся, что ты не такой плохой, как она, — Сидни пожурела Клайда. Ее голос что-то напомнил Эмме: да, именно в такой манере говорят выпускницы хороших школ, которые брали уроки верховой езды в местном клубе и играли в крикет на деревенской лужайке по субботам.

Расправив плечи, Сидни откинула за спину свои вьющиеся рыжие волосы.

— Простите еще раз. Эти двое постоянно таскаются за строителями. Должно быть, кто-то оставил двери открытыми. Как вы добрались? Не приключилось ли с вами каких неприятностей по пути? Каково нынче движение на М-40? Порой это настоящий кошмар! А как вам поворот к поместью?

Эмма на мгновение прикрыла глаза, раздумывая на какой из вопросов ответить в первую очередь. Веселая суматоха, казалось, кружила вокруг хозяйки Хайбери-Хаус. Эмма заметила это еще во время их видео-созвонов. Но при личном общении с этой женщи-

ной, окруженной парой собак в тени строящегося дома, создавалось совершенно иное впечатление. Собравшись с мыслями, Эмма ответила:

— Ваш дом отыскать было нетрудно.

— Я так рада, что вы приехали именно сейчас. Сегодня утром шел дождь. И я сказала Эндрю: будет нехорошо, если Эмма придет поглядеть на сад и попадет под ливень. Но потом погода наладилась — глядь, вот и вы! — Сидни повернула к дому, жестом приглашая Эмму следовать за собою. — Вы простите, у нас так шумно!

— Вы живете тут, несмотря на то, что идет ремонт? — Эмме пришлось почти выкрикнуть этот вопрос. Она огляделась по сторонам. Лестничная площадка была затянута холстиной. У парадной лестницы с резаными вручную деревянными перилами стояла стремянка. В воздухе пахло свежей краской, хотя стены, похоже, только недавно очищены от старых обоев.

— Да, мы живем тут, — раздался мужской голос откуда-то сверху и из-за плеча Эммы. — Меня зовут Эндрю. Очень приятно познакомиться с вами лично.

Эмма пожалала ему руку. Она позволила себе разглядеть супругов повнимательнее, отдельно и незаметно скользнув взглядом по мужу Сидни. Он башней возвышался над своей бойкой женушкой. Его очки — ну прямо очки Кларка Кента! — глубоко сидели на переносице. Каштановые волосы были аккуратно зачесаны на бок.

Рукой он обнимал свою супругу за талию так, как если бы это была самая естественная вещь на свете. И глядел на нее сверху вниз благодушно, с ласковой усмешкой и обожанием.

Было сразу понятно, что чета Уилкоксов принадлежала к привилегированному классу, и высокий уровень их образования было невозможно не заметить. Даже стоя посреди своего наполовину отремонтированного дома, все в строительной пыли, они источали холеный лоск. Несомненно, они были золотой парой. Однако опыт подсказывал Эмме, что такая идеальная совместимость грозила обернуться для них и большой болью. Но они являлись ее заказчиками, причем заказчиками денежными: Уилкоксы хотели именно реставрационный проект, а не просто заново разбить сад, и даже не дрогнули, когда Эмма озвучила им стоимость такого проекта.

— Мне удалось убедить Эндрю, что нашей команде следует присутствовать на месте работ. — Сидни прикусила свою пухлую

нижнюю губу. — Ремонт дома оказался гораздо более масштабным проектом, чем мы ожидали.

Эндрю покачал головой:

— Они говорили, это займет шесть месяцев.

— И сколько времени длится ремонт? — спросила Эмма.

— Уже восемнадцать месяцев, а сделали лишь одно крыло дома. Еще так много осталось, — вздохнула Сидни. — Милый, я как раз собиралась устроить Эмме экскурсию по саду.

— Не хочу утруждать вас, — проговорила Эмма быстро. — Я вполне представляю планировку сада по спецификациям, выполненным Чарльзом, и смогу сориентироваться, куда идти.

— Я настаиваю, — сказала Сидни. — И я бы очень хотела узнать ваши впечатления. К тому же, у меня есть несколько идей.

Несколько идей... У всех ее клиентов были идеи. Но редко какие из них оказывались стоящими. Эмма вспомнила того мужчину из округа Глазго-Сити. Он упрямо хотел себе тропический сад — это в сердце Шотландии-то! — и слышать не хотел о том, что поддержание подобного сада в ухоженном состоянии потребует напряженной работы, а ведь она его предупреждала. Он позвонил через полгода; к тому времени команда «Turning Back Thyme» уже работала над другим проектом в другой месте. Мужчина жаловался, что все его банановые деревья зимой погибли, и требовал, чтобы их заменили, причем бесплатно.

Эмма вежливо напомнила ему, что, согласно контракту, она не несла ответственность за дальнейшее состояние сада в случае халатного отношения со стороны владельца.

Была надежда, что Хайбери Хаус будет отличаться от прошлого заказа — по крайней мере, работа тут, возможно, даст ей передышку от всех тех новомодных дизайн-проектов, за которые она хваталась, чтобы удержать на плаву свой бизнес. Этот сад, простоявший в запущенном виде многие годы, безусловно представлял собой историческую ценность. Уилкоксы захотели увидеть его цветущим вновь — решили восстановить сад, сделав его в точности таким, каким он был задуман и создан в 1907 году.

Да, Эмма знала, что на это потребуется время, что будут нужны исследования, несопоставимые по сложности с ее прошлыми проектами современных садов. Но она хотела взяться за этот проект — скорее погрузиться в реставрацию, поскольку очень их любила. Так, с одними заказчиками она воевала против того, чтобы внутрен-

ние дворики-патио полностью закатать бетоном, а также против дурацких рулонных газонных дорожек, которые владельцы хотели уложить — конечно, поступить так проще, чем заниматься садоводством по-настоящему. В другом, особенно вопиющем, случае она демонтировала пол-акра искусственной лужайки — и заново воссоздала узловой сад* 18-го века в французском стиле, представляя, как когда-то прогуливались по его дорожкам английские леди в напудренных париках.

Она могла заставить зацвести давно заброшенные сады, на месте которых долгое время пасли скот или выезживали лошадей. Она умела завести часы вновь, умела вернуть вещи в их изначальное состояние.

И все же, будучи высококлассным наемным дизайнером, она старалась подходить к делу не только формально, Эмма старалась как-то уживаться с заказчиками. Раз уж Сидни будет ей платить, она будет потакать Сидни с ее идеями. Конечно, в пределах разумного.

— Буду рада составить компанию, — Эмма ответила, стараясь, чтобы в голосе звучало побольше энтузиазма.

— Ты с нами, милый? — спросила Сидни Эндрю.

— Я бы пошел, но Грэг говорил что-то про лаги для пола...

— А что с ними? — спросила Сидни.

Эндрю слегка усмехнулся и поправил очки.

— Кажется, в музыкальной гостиной вообще нет лаг. Они все прогнали насквозь.

Эмма удивленно вскинула брови, а Сидни изумленно сложила ротик буквой о.

Эндрю помахал им на прощание — изящно и аккуратно, лишь кистью руки — затем быстро обогнул лестницу и исчез в одной из дверей, которые вели вглубь дома.

— Боюсь, о сгнивших полах ему сообщили только что.

Сидни указала Эмме на французские двери**: обе створки были отчищены от старой краски, но их не помешало бы хорошенько отшлифовать пескоструем. — А вот и выход в сад — так мы попадем туда легче всего.

* Каркас узлового сада — это геометрический узор из низкого стриженного кустарника. Композиция могла иметь очертания квадрата, таких секций могло быть несколько.

** Французские двери — это двери, как правило, с двумя створками, без импоста, остекление занимает не менее 80% площади портала.

Эмма проследовала за своей работодательницей на широкую веранду. Под ногами лежали крупные сланцевые плиты, некоторые из них оказались расколоты, и корни деревьев проросли сквозь трещины. Но вид с веранды открывался потрясающий. Они находились на вершине пологого холма, а перед ними расстилалась длинная луговина, уводившая вниз к деревьям, ровным строем окаймлявшим спокойное озеро. Эмма прищурилась, вспоминая старую фотографию, которую нашла в Архиве графства Йоркшир: на снимке столетней давности, сделанном в 20-х годах, был запечатлен этот сад — в нем проходила какая-то вечеринка. Получается, что раньше вниз вел короткий ряд ступеней. Далее располагалось так называемое водное зеркало — бассейн; очертания его границ были изысканно живописны и представляли собою две четверти круга. Вдоль восточной стороны этого участка тянулся когда-то длинный бордюрный цветник. Теперь здесь не было ничего, кроме одичавшей луговины, которая не обладала и долей того шарма, придававшего когда-то этому месту вдохновляющий оригинальный дизайн его создательницы Винсенты Смит.

Эмма ощутила, как вдоль спины пробежали мурашки. Она собиралась возродить сад самой Винсенты Смит! Задолго до того, как стать знаменитой в Америке, эта дизайнер Эдвардианской эпохи* создала несколько садов тут, в Британии.

Эмма своей карьерой была обязана программе BBC про восстановление сада Винсенты в Лонгмарш Хаус. Когда ей было 17 лет, она настояла, чтобы ее родители взяли ее туда на каникулы. В то время как большинство из ее друзей еще раздумывали, в какой университет бы им поступить, она, стоя в том саду, четко поняла, чем именно хочет заниматься в жизни.

Пока они спускались по ступеням веранды, Сидни жестом указала на западный край луговины.

— Там осталось немного теневого бордюра**.

* Эдвардианская эпоха — это период правления в Британии короля Эдуарда VII, то есть с 1901 по 1910 год, в который также иногда включают и несколько лет после его смерти, предшествовавшие началу Первой мировой войны.

** Теневой бордюр — узкие длинные полосы маленьких декоративных теневыносливых растений, которыми обрамляют дорожки и лужайки.

Эмма неспешными шагами дошла до одного из деревьев с сучковатыми стволами, что росли вдоль долгой прямой тропы, окаймлявшей луговину в длину. Она погладила холодную грубую кору:

— Эти липы в хорошем состоянии, вся эта липовая аллея хорошо выглядит.

— За аллеей ухаживали работники садово-парковой службы. Папа продолжил нанимать ту же самую компанию, что и дедушка. Они делали, что могли, пытались поддерживать тут порядок, — объяснила Сидни.

Поддерживать порядок — не более.

— Вся эта местность выглядит динамичнее, чем когда ее только создали, — здесь гораздо больше растений, больше жизни. — сказала Эмма.

— Даже несмотря на то, что тут постоянно тень?

Эмма улыбнулась:

— Это обычное заблуждение, что теневые сады* скучны. К сожалению, я не смогла найти ни одной архивной фотографии, где эта часть только посажена Винсентой. Она любила цвет. Поэтому мы можем предположить, что она использовала цвет и здесь.

— После нашего с вами последнего созвона я приобрела коллекцию ее книг и дневников, — призналась Сидни. — Но она писала так много, я даже не знаю с чего начать.

— Мне очень нравятся дневники Винсенты Смит. Некоторые из них были опубликованы еще в 20-30-х годах, в Межвоенный период. А лет двадцать назад кто-то купил ее старый дом и нашел два дневника, в которых она рассказывала о своих самых первых проектах, — рассказала Эмма.

— Но не про Хайбери.

Эмма покачала головой:

— Если бы такой дневник существовал, у нас бы уже был полностью готовый проектный план... Чайный садик вон там, не так ли? — спросила она, кивком указав на закрытый невысоким воротами проход между липами на другой стороне аллеи.

— Да, — ответила Сидни.

* Теневой сад — это посаженные на участке с недостаточным освещением теневыносливые и тенелюбивые растения

Они пересекли аккуратную липовую аллею, открыли ворота и вошли в садик для чайных церемоний — тут царил настоящий хаос. Изначально это пространство сада, с одной стороны обнесенное кирпичной стенкой, с другой стороны окруженное тисовой изгородью, было предназначено для леди: — этакое укромное место, где можно вдоволь посплетничать среди причудливых нежных цветов.

— Садовники не часто заходят в зеленые комнаты*, — сказала Сидни, с оттенком извинения в голосе. — Папа говорил, что хотел сделать газон и привести в порядок хотя бы те части сада, которые видно из дома, но это оказалось довольно затратно.

Это было заметно. Вот мертвая гаура**, вся оплетенная кружевом королевы Анны***, — ее иссохшие плети упали со шпалеры и перепутались между собой.

Вот несколько кустов роз — почерневших, тощих, поникших. Было видно, что уже не первый год никто не заботился о том, как они перезимовали, а ведь тут явно требовалась весенняя сильная обрезка! Вряд ли в июне здесь зацветет хотя бы десяток побегов. Вся остальная территория — давно мертвые цветы да захватившие их сорняки.

— Я могу помочь вам найти бригаду, чтобы ухаживать за садом после того, как выполню свою работу, — сказала Эмма.

— Все настолько плохо, да? — спросила Сидни с легкой усмешкой.

— На месте вашего отца я бы потребовала деньги назад. Вот что это за пустырь? Одни сорняки! — она указала на странный клочок утрамбованной земли. Там стояла единственная тиковая скамейка, такая заброшенная, что все ее сиденье оплел дикий вьюнок. — Вероятно, там была когда-то газебо или пергола, что-то подобное.

— Она стала одной из жертв Великой бури 1987 года. Мы тогда потеряли несколько деревьев у озера и на прогулочной аллее.

* Зеленые комнаты — этот метод зонирования летнего сада пришел из Китая; границей зеленых комнат могут выступать цветники, кустарники, деревья, каменные подпорные стенки, ширмы, забор.

** Гаура — неприхотливый декоративный раскидистый кустарник, цветущий розовыми или белыми цветками с мая до самых заморозков.

*** Кружево королевы Анны — так в Англии называют дикую морковь.

Я узнала об этом, когда нашла в дедушкиных записях рекомендации древовода — так сказать, рецепты древесного хирурга, — пошутила Сидни.

— Удалось ли вам найти какие-нибудь записи, когда сад только появился? — спросила Эмма.

— Пока нет, но я не сдаюсь. Дедушка никогда ничего не выбрасывал. Я до сих пор выгаскиваю из кабинета коробки бумаг и документов. А ведь я даже не принималась еще за чердак. Если там что-то есть, я это найду! — заявила Сидни.

Через проход в тисовой изгороди Эмма следом за Сидни попала в Сад влюбленных, где были лишь голые комья земли да тропические растения, из последних сил цепляющиеся за жизнь. Эмма была уверена, что к таким сортам растений Винсента в свое время доступа не имела.

В садике для детей не уцелело ничего коллекционного не уцелело, тут росли одни дикие полевые цветы; четыре больших вишневого дерева отчаянно нуждались в обрезке, а лаванда вдоль дорожки хоть и благоденствовала, но одичала и буйно разрослась. На месте сада скульптур теперь была лужайка и несколько почти разрушенных статуй, растрескавшихся и облупившихся от непогоды. Следующий сад был совсем непонятным: Эмма внимательно оглядела его, но так и не смогла выяснить его предназначение. Далее находилось то, что задумывалось как Белый сад: предполагалось, что все сорта растений в нем должны быть белыми, но из-за самосева однажды по весне, Эмма была уверена, монохром превратился в многоцветие. Они спустились ниже по склону и попали в странное место, которое, предположительно, было давно уже не существующим Водным садом — ложбина посреди него сейчас поросла сорными растениями.

Все увиденное неприятно поразило Эмму: неразбериха и беспорядок из-за годами тянувшегося пренебрежения. Ей стало грустно.

Они зашагали вниз по дорожке между Белым и Водным садами. Сидни махнула рукой:

— А сейчас мы выйдем вот куда!

Поначалу все, что Эмма увидела лишь макушки деревьев да длинные голые побеги плетистой розы, борющейся за место под солнцем над высокой кирпичной стеной. Однако потом, обогнув пологую кирпичную стену, они подошли к железным воротам, покрытыми ржавчиной. Вокруг прутьев густо вилась виноградная

лоза, ее дикие побеги давно не обрезали. Казалось, все растения словно пытались сбежать из этого сада.

— Это, должно быть, то, о чем меня предупреждал Чарли, проговорила Эмма.

— Это Зимний сад. Когда я была маленькой, мы приезжали сюда, в Хайбери, только дважды в год — на дедушкин день рождения и на следующий день после Рождества. Но я помню, как папа водил меня на прогулку по садам каждый раз. В середине декабря Зимний сад казался единственным местом, где была жизнь, — сказала Сидни.

— Вы бывали внутри? — спросила Эмма, сжав руками железные прутья и тщетно пытаясь хоть что-то рассмотреть в густой листве.

— Нет. Он был заперт, сколько я себя помню.

Эмма пальцем провела по огромной замочной скважине на железном замке.

— Как я понимаю, ключа от ворот нет?

Сидни покачала головой:

— Ключ — вот еще одна вещь, за которой я охочусь. Эндрю предложил вызвать слесаря, но к тому времени я успела пригласить уже двоих, и оба они ответили, что состояние и возраст ворот таковы, что, скорее всего, пришлось бы срезать воротные петли, иначе не их открыть. Но поступить так мне, говоря по справедливости, кажется... неправильным.

— Неправильным? — переспросила Эмма, сделав небольшой шаг назад.

— Не могла же я без зазрения совести разрушить часть истории сада, в то время как столько трудилась над тем, чтобы восстановить дом. И... — Сидни сделала паузу. — Есть что-то такое в этом зимнем саду. Он кажется таким покинутым.

Весь сад был живым примером запустения! Но Эмма поняла, какие именно ощущения пыталась сформулировать словами Сидни. Они с Сидни были почти ровесницами — и предположение, что кто-нибудь мог намеренно бросить этот сад нетронутым и неухоженным в течение тридцати пяти лет, заставило Эмму затрепетать. Это было так... зловеще? Торжественно?

Это было таинственно!

Да, легкой работки тут не предвиделось. Не было никаких планов. Было мало архивного материала. Многие из прошлой струк-

туры сада оказалось утрачено с течением времени. Эмма была уверена, что многих из ее конкурентов все это отпугнуло бы от этого заказа — они предпочитали работать по точным спецификациям и создавать для своих клиентов сады в современном стиле. Но когда Эмма смотрела на весь этот безнадежный беспорядок, она не могла сдерживать волнения и восторга. Этот сад стоил всей бухгалтерской волокиты. Хайбери Хаус был проектом именно такого рода, которые она любила.

— Ну, мы бы могли принести лестницу и попытаться вскарабкаться на стену, — предложила Эмма.

— Эндрю уже попробовал это сделать, — сказала Сидни. — Забрался, но понял, что с другой невозможно безопасно спустить лестницу.

— Когда это было? — спросила Эмма.

— Сразу после того, как мы продали нашу компанию. Мы предложили маме и папе выкупить у них дом. Дедущка оставил им в наследство немного денег, но бóльшая их часть ушла на то, чтобы устранить протечки в крыше и попытаться хорошенько протопить здание, поскольку внутрь постоянно проникала сырость. Долгие годы эта забота была для папы камнем на шее, но ему никогда не хватало духу продать дом, — сказала Сидни.

Эмма сдержанно улыбнулась ей:

— И теперь вы решили привести дом в божеский вид.

— Верно. Мы — Сидни и Эндрю Уилкоксы, спасители старых домов.

— И их садов, — добавила Эмма.

— Надеюсь, что размах проекта не отпугнул вас, — улыбнулась Сидни.

Даже если бы масштабы садового проекта Хайбери Хаус были бы еще глобальнее, Эмма все равно взялась бы за него. Готовясь приняться за Хайбери Хаус, она даже пожертвовала более мелким заказом на коттеджный садик в Лестершире — возникли проблемы с поставщиками, сразу с тремя — а заказ в Малоу Глен она завершила еще за месяц до того.

Она упустила выгоду и ее бизнес пострадал, лишившись того денежного вливания, но Хайбери был гораздо более крупным призом.

— Да, ваш проект мудреный, — признала Эмма. — У нас не так много оригиналов документов по саду и фотографий его изначального состояния, чтобы продолжить в том же духе, поэтому

я создала новые планы, но они все так же основаны на дизайн-проектах других садов Винсенты из той же эпохи.

— Я еще поразбираю те коробки, — пообещала Сидни. — Итак, что же дальше?

— Приезжает моя команда. Вы уже встречались с Чарли, а теперь познакомитесь с Джессой, Заком и Вишалом. Для начала они займутся чрезмерно разросшейся растительностью, чтобы мы поняли, над чем мы работаем в действительности.

Сидни захлопала в ладоши, словно героиня из мюзикла, готовая запеть от радости, не в силах подобрать слова. Вместо этого она сказала:

— О, мне не терпится начать! Не могу больше ждать!
«И я тоже не могу», — подумала Эмма.

Эмма вынула из кармана ключи, для чего ей пришлось переложить пакет с продуктами в другую руку. Хотя агент по аренде жилья предлагал проводить ее до Боу Коттедж, она вежливо отказалась. После целого дня, проведенного на обходе имения и сада вместе с Сидни, Эмма жаждала насладиться тишиной и покоем своего съемного жилища.

Отперев входную дверь со второй попытки, она зажгла свет в холле. Захлопнула за собой, с облегчением вздохнула и отправилась искать кухню в этом незнакомом коттедже, который станет ее домом на ближайшие полгода. Вещи из багажника машины она достанет позже. Сначала ей необходима чашка чая, да и зарядить мобильник пора.

Напротив лестничной площадки Эмма увидела дверь в просторную гостиную, рядом располагался небольшой кабинет. В другом конце холла была столовая; поглядев на стоявший там стол со столешницей из досок, она решила, что он замечательно подойдет для черчения, а не для кулинарных развлечений. Следующая дверь вела в кухню, простенькую, но миленькую, с занавесками из марлевки на широких окнах, выходявших вымощенный кирпичом дворик-патио и на засеянную карликовым райграсом лужайку, в самом конце росла старая грандифлора.

Эмма водрузила пакеты с продуктами на тумбу, воткнула в розетку свой севший телефон, налила воды в электрический чайник, стоявший наготове, затем принялась вынимать продукты и заставлять ими хозяйский холодильник.